
ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 2-1(7)(092)

DOI: 10.25730/VSU.7606.22.019

Американская эпопея епископа Нестора (Засса)

В. В. Печатнов¹, В. О. Печатнов²

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры философии им. А. Ф. Шишкина, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России. Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-9340-9363. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

²доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России.

Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-6733-031x. E-mail: vopechatnov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена жизни и деятельности епископа Нестора (Засса) в период руководства им Алеутской и Аляскинской епархией (1878–1882 гг.). Она написана на основе документов архива Русской православной церкви на Аляске и представляет собой первую в российской и зарубежной историографии попытку дать анализ роли и места преосвященного Нестора в становлении и развитии Русской духовной миссии в США. В ней также дается портрет этой необычной и трагической фигуры; показывается, как его хрупкая и возвышенная натура не выдержала столкновения с реальностью церковного управления в тяжелых условиях внутренних интриг и чужеродного окружения. Через призму личности пастыря дается картина повседневной жизни российского православного духовенства в Америке 1870–1880-х гг. Статья также дает конкретное представление о том, как в Российской империи работал механизм епархиального управления и взаимодействия церковных и светских властей.

Ключевые слова: епископ Нестор (Засс), Алеутская и Аляскинская епархия, Русская православная церковь, Святейший Правительствующий Синод.

Даже среди колоритных фигур русских православных иерархов в Америке личность епископа Нестора (Николая Павловича Засса) выделяется своей необычностью, а его судьба – особым трагизмом. Кто бы мог представить, что отпрыск старинного дворянского рода из Вестфалии, давшего несколько поколений храбрых офицеров на русской службе, оставит военно-морскую карьеру ради простого монашества, станет главой Русской православной церкви в Америке, а закончит свою жизнь в пучине Берингова моря. Между тем жизнь и деятельность этой удивительной личности еще мало исследованы. Краткий обзор его епископата в Америке содержится в общих работах по истории Православной церкви в США [2; 3; 8], отрывочные биографические и другие сведения можно найти в справочных и периодических изданиях [1; 5; 6]. Историк-любитель Г. Солдатов из Миннесоты издал малым тиражом на свои средства сборник ценных документов, связанных с работой еп. Нестора в Америке [9]. Однако полноценного исторического анализа данной темы до сих пор нет, хотя документы российских и американских архивов позволяют это сделать. Данный очерк призван хотя бы отчасти восполнить этот пробел; он написан на основе документов архива Русской православной церкви, хранящегося в рукописном отделе Библиотеки Конгресса¹.

О детских годах Николая Павловича Засса почти ничего не известно. Родился он в 1826 г. (по некоторым данным – в конце 1825 г.) в Архангельске в дворянской семье. «Еще в шестилетнем возрасте, оставшись круглым сиротой, – писал он в своей биографической справке, – я пересек Северный Ледовитый океан на морском транспорте и впервые испытал тогда всю беспомощность человеческого существа перед лицом первозданной бурной мощи природы и успокоительную сладость от детского подчинения воле Отца небесного и мило-

© Печатнов В. В., Печатнов В. О., 2022

¹ Alaskan Russian Church Archives, Library of Congress, Manuscript Division (далее – ARCA).

сердного» [9, II, р. 142]. Кто знает, может быть, это первое соприкосновение с силами небесными навсегда изменило его жизнь?

Мальчика отдали в Царскосельский кадетский корпус для малолетних сирот, куда брали на казенный счет дворянских сыновей военных моряков для школьного образования и подготовки к поступлению в столичные военные училища. По его окончании Николай выбрал Морской кадетский корпус – высшее военно-морское учебное заведение России – и успешно закончил его в звании мичмана. Молодой барон получил разностороннее образование, свободно владел несколькими иностранными языками. Перед ним открывалась военная карьера его предков, но его тянуло в иной мир. Еще кадетом он решил посвятить себя монашескому служению, дав (по его собственному воспоминанию) первый обет во время занятия по русской истории, на котором рассказывалось о пребывании Петра Великого в Соловецком монастыре во время русско-шведской войны. Соловецкие святые – Зосима и Савватий, игумен Филипп (впоследствии митрополит Московский) – стали для Николая образцами святости, и по достижении 25 лет лейтенант Засс оставил военную службу, был пострижен в монахи под именем Нестора и принят в монашеское братство Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге.

Лавра осуществляла духовное попечение над русским военным флотом и готовила монахов для службы на военных кораблях. Руководил ей известный «флотский иеромонах» Паисий (Кривоборский), в прошлом тоже военный моряк, знакомый Нестору по совместной службе. Он и стал наставником молодого монаха. Нестор участвовал в Крымской войне как брат милосердия, ходил на военных кораблях по Средиземному морю и Атлантике, в том числе на фрегате «Ослябя» в составе эскадры адмирала Лесовского, посетившей Нью-Йорк в 1863 г. во время Гражданской войны в США. Северяне принимали русских моряков как дорогих гостей, и Нестор уже тогда обратил на себя внимание нью-йоркского общества своей образованностью и манерами. За образцовое служение во время похода в Америку военно-морское министерство наградило его нагрудным крестом из Кабинета Его Императорского Величества. Отец Нестор также прошел нелегкую службу священником в военно-исправительной тюрьме морского ведомства, а затем был назначен Святейшим Синодом настоятелем православного собора в французском городе По. Священнослужителей с таким опытом и светским образованием в России было немного, и не удивительно, что в 1870 г., когда Св. Синод и МИД приняли решение о создании епархии Алеутских островов и Аляски в Америке, о. Нестору было предложено ее возглавить. Однако он отказался от этой чести, чувствуя себя неспособным к управлению таким сложным и отдаленным хозяйством. На кафедру был назначен Иоанн (Митропольский), управлявший епархией до 1877 г. Когда встал вопрос о его замене, выбор Св. Синода по представлению его Первенствующего члена митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского и Финляндского Исидора (Никольского) снова пал на о. Нестора. На сей раз он не нашел в себе сил отказаться.

Летом 1878 г. иеромонаха Нестора вызвали в столицу, и Указом Его Императорского Величества 25 октября ввиду предстоящего назначения он был возведен в сан архимандрита. 12 декабря пришло следующее извещение из Св. Синода: «Слушали: Высочайше утвержденный 9 дня сего декабря Всеподданнейший доклад Святейшего Синода о бытии Вашему Высокопреподобию Епископом Алеутским и Аляскинским. Приказали: 1) Об изъясненном Высочайше утвержденном докладе Святейшего Синода объявить Вашему Высокопреподобию. 2) Наречение Вашего Высокопреподобия в епископа Алеутского произвести 13 сего декабря, посвящение же Вас в сан епископа совершить Преосвященному митрополиту Исидору... по ближайшему его усмотрению»². 17 декабря митрополит Исидор хиротонисал архим. Нестора епископом Аляскинским и Алеутским в соборе родной для него Александро-Невской Лавры. Уже на следующий день Аляскинское духовное правление получило указ Святейшего Синода объявить об этом по всем причтам епархии. В тот же день и сам новопосвященный епископ послал свое первое указание правлению подготовить к его приезду отчетную документацию по всем церквям и приходам. Он также получил грамоту Синода на архиерейский сан, новое архиерейское облачение, пожертвованное из Кабинета Его Императорского Величества, прогонные на проезд от Санкт-Петербурга через Нью-Йорк до Сан-Франциско и «сверх сего пособие на подъем, по дальности расстояния и в уважение значительных предстоящих издержек и могущих встретиться непредвиденных надобностей в пути тысячу пятьсот рублей...»³.

² Архимандриту Александро-Невской Лавры Нестору, 12 декабря 1878 г. // ARCA, Cont. B, Reels 39–40. Zass (Nestor) (Nikolay Pavlovich), Bishop 1878–1879.

³ Архимандриту Александро-Невской Лавры Нестору, 19 января 1879 г. // Там же.

В промежутке между назначением и отъездом епископ Нестор знакомился с положением епархии по отчетам Аляскинского духовного правления и личным рапортам его главы прот. Владимира Вечтомова. Картина рисовалась малоутешительная. После продажи Аляски русская православная миссия в Америке переживала тяжелые времена: русскоязычное население Аляски резко сократилось, туда хлынул поток любителей легкой наживы, протестантских и католических миссионеров, американские власти игнорировали нужды и запросы русских священников. Лишившись финансовой поддержки ликвидированной Русской американской компании, миссия не имела средств для ремонта храмов и содержания церковных школ. К этому добавился кадровый голод, сокращение туземной паствы, деградация духовенства, увязшего в интригах и сплетнях. Не способствовало авторитету русской церкви и недавнее загадочное убийство настоятеля Сан-Францисского собора Павла Кедроливанского, в котором подозревали члена Духовного правления священника Николая Ковригина. Еп. Нестор решил иметь при себе хотя бы одного надежного человека, не связанного с Аляскинским духовным правлением. Ему понравился иеромонах Герман – учитель Казанского духовного училища, подавший прошение на службу в Америке. Получив благоприятный отзыв о нем от Казанского архиерея Антония, владыка Нестор выхлопотал для священника-монаха назначение в епархию, «имея в виду, что в Аляскинской епархии чувствуется недостаток в лицах способных и благонадежных», писал он в Св. Синод⁴. Епископ добился выделения своему протеже золотого наперсного креста из Кабинета Его Императорского Величества, а также включения о. Германа в состав Аляскинского духовного правления вместо свящ. Ковригина, который (как писал Нестор обер-прокурору Св. Синода графу Д. А. Толстому) «вследствие множества возникших на него нареканий в различных противуправственных поступках в разное время доводившихся до сведения Вашего Сиятельства <...> не может быть далее оставлен на службе в Алеутской епархии»⁵. Старания епископа увенчались успехом, и он отправился в дальний путь вместе с о. Германом.

18 (30) апреля еп. Нестор со своим спутником благополучно прибыл в Нью-Йорк, где остановился на несколько дней. Репортер одной из калифорнийских газет взял у него интервью, в котором отметил, что новый епископ «говорит на английском с легким иностранным акцентом и держится очень просто и непринужденно»⁶. В Нью-Йорке вл. Нестора опекал о. Николай Бьерринг, настоятель единственной в городе православной домово́й церкви, которую содержал Св. Синод. Датчанин по рождению и католик по первому вероисповеданию, о. Николай не знал русского языка и с трудом проводил лишь самые простые православные богослужения на английском [4]. Русскоязычные прихожане, включая российских дипломатов, были недовольны священником и избегали доверять ему крещения и панихиды, писал преосвященный Нестор в Санкт-Петербург митрополиту Исидору [9, I, pp. 33–34]. Эти нарекания и малочисленность прихода привели к закрытию церкви в начале 1880-х гг.

Из Нью-Йорка было послано распоряжение в Духовное правление с указанием подыскать на первое время подходящую квартиру и не устраивать по прибытии в Сан-Франциско никакой официальной встречи – казенщины Нестор не терпел. 5 мая он сообщил в Св. Синод: «По милости Божией, я 2 мая по старому стилю сего 1879-го года вполне благополучно прибыл в г. Сан-Франциско и вступил в управление вверенной мне Алеутской епархией»⁷.

В Сан-Франциско на него свалилась гора проблем, начиная с бытового обустройства. Мебель архиерейской квартиры «оказалась ветхую, непригодную и недостаточную, так что из всего этого имущества, – сообщал епископ в Св. Синод, – я смог воспользоваться только большим медным самоваром и развалившимся креслом, за починку которого взяли 37 долларов и 50 центов». На приобретение новой обстановки ушел 3001 доллар, причем треть этой суммы вл. Нестор покрыл из личных средств, а остальные взял из остатка, находившегося в распоряжении главы епархии⁸. Архиерей также запросил согласия на оплату возвращения в Россию

⁴ В Святейший Правительствующий Синод, 3 января 1879 г. // Книга для записи бумаг по канцелярии Епископа Нестора с 1879 по 1882 г. // ARCA, Cont. B, Reels 39–40. Zass (Nestor) (Nikolay Pavlovich), Bishop, Office correspondence 1878–1879.

⁵ Его Сиятельству Графу Толстому, 28 января 1879 г. // Там же.

⁶ Daily Los Angeles Herald, May 7, 1879.

⁷ В Святейший Правительствующий Синод, 5/17 мая 1879 г. // ARCA, Cont. B, Reels 39–40. Zass (Nestor) (Nikolay Pavlovich), Bishop, Office correspondence 1878–1879.

⁸ В Хозяйственное управление Св. Синода, 7/19 июня 1879 г. // Там же.

священника Ковригина из остатка бюджета епархии за 1878 г. «ввиду того обстоятельства, что дальнейшее пребывание священника Николая Ковригина в Америке, вследствие многих возбужденных против него следственных дел, бросает тень на Православие»⁹. Вместе с тем добросердечный вл. Нестор обратился к епископу иркутскому Вениамину (в епархию которого возвращался Ковригин) с просьбой взять его под свою опеку с тем, чтобы «с помощью Божией наставить на путь истинный» [9, I, р. 43]. Кроме того, епископ решил оплатить из средств епархии дорожные расходы на возвращение в Россию вдовы убиенного прот. П. Кедровливанского с детьми. Воспользовавшись добротой и неопытностью нового архиерея, члены Духовного правления первым делом выпросили себе четвертную прибавку к жалованью. Однако епископ действовал не только добротой.

С юности привыкший к порядку и дисциплине, вл. Нестор перестроил работу Правления в своем духе. Обязанности его членов были строго распределены, а заседания стали регулярными – раз в неделю. Исключения допускались только по причинам болезни или выполнения других срочных заданий. Епископ потребовал полную отчетность о работе Правления и состоянии епархии за предыдущие годы. Он ввел образцовый порядок делопроизводства: отныне все исходящие и входящие бумаги регистрировались в специальном журнале вместе с резолюциями по ним епископа. В этом своего рода вахтенном журнале также фиксировались все распоряжения и предложения главы епархии Правлению. Они отличались точностью и высокой грамотностью изложения.

Ознакомившись с обстановкой, уже в июне вл. Нестор изложил Св. Синоду «неотложные нужды епархии», основываясь на рапорте благочинного о. Владимира Вечтомова [9, I, pp. 45–47]. На первом месте стояла срочная потребность в священниках для Кадыяка и Кеная «за неимением в Аляскинской епархии достойных подготовленных кандидатов, которые могли бы отстаивать интересы Православия ввиду начинающейся там миссионерской деятельности католиков и протестантов». С этой целью епископ предлагал дать объявление в «Церковном вестнике» (официальном органе Св. Синода) для привлечения охотников с семинарским образованием. Кроме того, он просил прислать регента и причетников для кафедрального храма в Сан-Франциско ввиду особой важности православного пения для привлечения иноверцев. Было также необходимо отремонтировать обветшавшую церковь и дом священника в Кадыяке, а также выплатить пособие странствующему и заштатному духовенству. Епископ предлагал покрыть все эти расходы из остатка средств епархии за прошлый год и предоставить ему право делать это и впредь при условии строгой отчетности о всех произведенных расходах¹⁰.

На это, казалось бы, обоснованное предложение последовал вежливый, но твердый ответ директора Хозяйственного управления Синода А. Ильинского. На правах давнего знакомого он послал епископу личное письмо с предостережением относительно существующих постановлений, «которые еще могут быть неизвестны Вашему Преосвященству, так как прежняя Ваша служба не могла дать Вам случай ознакомиться с ними». (Действительно, руководство небольшим храмом во Франции не шло ни в какое сравнение с управлением огромной епархией.) «Остатки от некомплекта причтов, – писал Ильинский, – не могут быть расходованы ни на какой предмет и ни под каким предлогом, а должны быть зачтены при отпуске сумм на следующий год»; «из казенных штатных сумм никаких заимствований не должно быть допускаемо»; отбывающим в Россию средства на дорогу выдаются только Св. Синодом; «увеличение жалования, назначенного по Высочайшему распоряжению, может быть допущено только с Высочайшего же разрешения»; пособия духовенству выплачиваются только при строгом их обосновании, тогда как «правление широкой рукой раздавало пособия разным лицам, но за что, по каким случаям, в отчете не объясняется». В заключение директор дошел и до самовара с поломанным креслом: «Где же девалось все прочее имущество, которое по описи Преосвященного и до приезда Вашего должно было находиться на попечении Правления?»¹¹ В октябре Св. Синод в специальном постановлении подтвердил все эти возражения, заблокировав тем самым большую часть запросов епископа¹²; пришлось отменить и прибавку членам Правления.

⁹ В Святейший Правительствующий Синод, 4/16 мая 1879 г. // Там же.

¹⁰ В Святейший Правительствующий Синод, 19/21 июня 1879 г. // ARCA, Cont. D, Reels 474–475, Zass (Nestor) Bishop, Orders-Management, 1879–80.

¹¹ Его Преосвященству Епископу Нестору, 29 августа 1879 г. // Там же.

¹² Преосвященному Нестору, Епископу Алеутскому и Аляскинскому, 26 октября 1879 г. // ARCA, Cont. B, Reels 39–40, Zass, Nestor (Nikolay Pavlovich), Bishop, 1878–79.

После объявления в «Церковном вестнике» о вакансиях на Кадыяке и Кенае к еп. Нестору стали поступать прошения из России о принятии на службу в епархии. Писали разные люди с разными мотивами. Кто-то не поладил с местным церковным начальством и хотел попробовать счастья на новом месте, другим не терпелось посмотреть на неведомую Америку. Иеромонах Иринарх из Абалацкого Знаменского монастыря в Тобольской епархии писал: «Желаю послужить в Алеутско-Аляскинской епархии, пока сохраняется во мне любознательность, побуждающая меня испытать новую жизнь в Новом Свете, и пока есть во мне силы и здоровье для служения в месте столь отдаленном»¹³. Но, пожалуй, самое прочувствованное прошение пришло от священника Иоанна Люцернова из той же Тобольской епархии. Вдовец, преподаватель Тобольской семинарии с двадцатилетним стажем, он питал «бескорыстное и горячее желание потрудиться в Новом Свете на благо Русской церкви, какие бы невзгоды, лишения и страдания ни предстояли мне...». Проситель даже скопил 300 рублей на переезд в Америку и был готов пожертвовать своим будущим жалованием для оплаты недостающей суммы. «Поверьте, Ваше Преосвященство, – заверял о. Иоанн Люцернов, – что я никогда, в прошлой своей жизни не принадлежал к числу интересантов, заботящихся только о материальной наживе и одних внешних удобствах жизни, а потому меня немало не опечалит, если я не найду в Вашей епархии материального богатства и внешнего довольства»¹⁴. Соискатели прилагали свои послужные списки и письменные разрешения начальства, но Нестор подходил к набору кадров очень осторожно и чаще всего оставлял эти прошения «без последствий» (как фиксировалось в его журнале, который епископ завел сразу же после прибытия на манер корабельных журналов). В поисках достойных священнослужителей он предпочитал людей аскезы, выбиравших его путь. «Хотелось бы иметь более надежных людей, лучше всего – из монахов», – писал он своему духовному наставнику митрополиту Исидору [9, I, p. 66]. Тот рекомендовал ему иеромонаха Валаамского монастыря (в прошлом – выпускника Полоцкого кадетского корпуса) Никиту, который прибыл в Сан-Франциско в декабре 1879 г. с письмом от митрополита. «С несказанной радостью прочел Ваше письмо, – отвечал Нестор, – <...> Сразу возникла перед глазами наша богохранимая Лавра, Ваш дом и гостиная, где мы пили чай за духовной беседой». «Вот уже восемь месяцев, как я вступил в управление епархией, – продолжал Нестор, – и можно спросить, сделал ли я что-либо достойное нашей Церкви. Но мне нечего сказать, ибо нет за мной никаких хороших дел... Горе мне, грешнику недостойному, когда настанет час ответ перед Господом Всемогущим!» [9, I, p. 64]. Искренность епископа несомненна – он тяжело переживал тщетность многих своих усилий.

Еще одной заботой владыки Нестора стало бедственное состояние Сан-Францисской кафедры, которая переехала туда из насиженной Ситки в 1872 г. Кафедральный храм ютился в старом арендуемом деревянном доме – бывшей лютеранской церкви, скромная квартира епископа находилась на другом конце города, священнослужители также арендовали дешевое жилье на свои мизерные квартирные. Еп. Нестор обратился к своему покровителю митрополиту Исидору со слезной просьбой помочь изыскать средства на строительство или покупку достойного храма и архиерейского дома, приличествующих православному духовенству. Он ссылаясь на ропот православных прихожан и собранные в свое время на эти цели 20 тыс. рублей, находящиеся в распоряжении Св. Синода [9, I, pp. 48–49]. Более подробно и официально вл. Нестор изложил свой запрос в августовском обращении в Св. Синод, предлагая также использовать остаток средств Русско-Американской компании на счетах Св. Синода (около 50 тыс. рублей). Обер-прокурор граф А. Д. Толстой ответил ему, что этот остаток не может быть использован, поскольку находится на длительном депозите, и лишь проценты по нему идут на нужды епархии. Он также указал на необходимость конкретного плана застройки и приложил в качестве примера подробный доклад Генерального российского консула в Сан-Франциско В. А. Велецкого о вариантах покупки земельных участков под кафедральный собор. Доклад был составлен по переданному через МИД заказу Св. Синода, когда там впервые задумались об этом строительстве. Велецкий подробно, с большим знанием дела, проанализировал восемь подобных участков, отдав предпочтение участку большего размера, позволяющему отделить храм от соседних построек. В Америке, пояснял он, нет запрета на строительство любых объектов рядом с храмами, поэтому «никто не может запретить построить

¹³ Его Преосвященству, Преосвященному Нестору, Епископу Алеутскому и Аляскинскому, (без даты) // Там же.

¹⁴ 14 июля 1879 г. // ARCA, Cont. D, Reels 474–475, Zass (Nestor) Bishop, To (1879–1880).

рядом с церковью салун (так здесь называют питейные заведения)». Примерная стоимость участков вместе с постройками (храм, архиерейский дом и малый дом для священников) варьировалась от 45 до 78,5 тыс. долларов [9, I, pp. 57–61]. До реализации этих планов было еще далеко, но именно Нестор дал решающий толчок их осуществлению.

В августе–сентябре епископ совершил свой первый объезд епархии, побывав в Ситке (бывшей столице Русской Америки – Ново-Архангельске) – главном центре православия на Аляске, где раньше находилась архиерейская кафедра. В местном приходе насчитывалось около 250 прихожан. Большая часть мужского населения работала вне Ситки на золотых приисках, «а женщины и старики, остающиеся дома, усердно посещают храм Божий, – писал епископ в своем отчете. – Тем не менее в день моего приезда собралось довольно много народа обоего пола, чтобы встретить меня, и потом сопровождали до Церкви при колокольном звоне». Он отслужил торжественный молебен в храме, основанном еще Святителем Иннокентием – «апостолом Аляски». «С глубоким чувством благоговения и умиления входил я в этот некогда бывший Кафедральный собор Алеутской епархии... – продолжал еп. Нестор в своем отчете, – и теперь еще в этом храме заметна заботливая рука покойного Архипастыря Высокопреосвященного Иннокентия». В отчете содержались подробные сведения о состоянии епархии: 9 приходов и церквей, 35 часовен и молитвенных домов, 11 425 прихожан (больше всего – на Кадьяке, Квихпаке и Нушагаке). Что касается духовенства, то по образованию своему оно «стоит очень не высоко»: за исключением прот. В. Вечтомова, иеромонаха Германа, ситкинского священника Митропольского и запрещенного в служении диакона Кашеварова, остальные либо не закончили семинарского курса, либо имеют только домашнее образование. Тем не менее, «судя по тем сведениям, которые сообщаются самими причтами, можно думать, что это духовенство, особенно некоторые священники, по мере своих сил и понимания стараются оправдать ту великую задачу, для выполнения которой оно призвано». В подтверждение приводились сведения из рапортов священников об обращении в православие язычников, о перевоспитании заядлых грешников, переводе святых текстов на местные языки.

Миссионерской работе, отмечал Нестор, препятствуют огромные расстояния и погодноклиматические условия: «пути сообщения чрезвычайно неудобны – летом только на байдарках или небольших кожаных лодочках, на которых они должны переплывать большие расстояния при сильных господствующих ветрах, а иногда и во время бурь; а зимой по большей части на собаках при жестоких морозах или во время сильных метелей». Мешают и языческие шаманы, которые имеют большое влияние на народ, вследствие чего миссионерам приходится вести постоянную и упорную борьбу за истину православно-христианского учения. «Религиозно-нравственное состояние православных Алеутской епархии при сравнении его с теми неблагоприятными условиями жизни, среди которых приходится быть туземцу, можно сказать, довольно удовлетворительно... Но есть еще много и темных сторон, с которыми приходится бороться православному проповеднику слова Божия. Алеуты привержены к спиртным напиткам, склонны к воровству, в некоторых приходах замечается неверность супружеской жизни и проч.»¹⁵.

В поездке еп. Нестор вел дневник, напоминающий судовой бортовой журнал с четким указанием времени прибытия/убытия, географических координат и погодных условий по каждому из этих пунктов. Журнал также содержит наблюдения епископа о местных наречиях и обычаях. Русские священники, как правило, не знали туземных языков и общались с пастырью либо через переводчика, либо просто читая по привычке на церковнославянском. Владыка Нестор же с самого начал стал изучать языки колошей и алеутов, пытаясь переводить наиболее часто употребляемые при богослужении понятия. Он уважительно рассказывает о нравах и обычаях туземцев, отмечая их почтительное отношение к старшим, бедным и больным, гостеприимство, крепость родственных уз и верность традициям.

По возвращении в Сан-Франциско еп. Нестор опять окунулся в рутину епархиальных дел, включая кадровые вопросы. Продолжал плести свои интриги Ковригин, затягивавший под разными предлогами отъезд в Россию. По-прежнему злоупотреблял спиртным диакон Василий Кашеваров. Для начала епископ сделал ему архипастырский выговор «с внушением исправиться на будущее время», а затем наложил епитимью. Но и это не помогло. Тогда вл. Нестор поставил перед Духовным управлением вопрос о снятии с Кашеварова сана диакона и

¹⁵ Отчет о состоянии Алеутской епархии за 1879 год // ARCA, Cont. D, Reels 474–475, Zass (Nestor) Bishop, 1879–1881.

исключении его из духовного звания. Соответствующий запрос был направлен в Св. Синод, а сам диакон до его решения был исключен из участия в богослужении, хотя и исполнял обязанности псаломщика. В Синоде рассмотрение дела затянулось, и епископ поручил прот. В. Вечтомову присматривать за поведением проштрафившегося диакона. Через некоторое время тот доложил, что Кашеваров «за все это время вел себя вполне исправно: в церковь к богослужениям являлся неукоснительно и своевременно, был всегда трезвый, обязанности чередного псаломщика исполнял рачительно и с присущим ему знанием дела». Владыка Нестор в ответ обратился в Св. Синод с прошением дать запрещенному диакону еще один шанс на исправление, допустив его к участию в священном служении. Этого мало: еще через месяц епископ «для поощрения к трезвости и добропорядочной жизни» распорядился предоставить диакону двухмесячный отпуск в Ситку «для свидания со старушкой матерью с сохранением нынешнего жалования и выдать ему из моих личных средств 75 долл. на проезд туда и обратно без всякого возмещения»¹⁶. Поистине милосердие архиерея не знало границ. Однако Кашеваров так и не встал на путь истинный. Он подал в Св. Синод апелляцию на решение Правления и был переведен сначала в Якутскую епархию, а затем во Владивосток, но каждый раз умудрялся вернуться в полюбившийся ему Сан-Франциско, где «предавался пьянству и буйству, позорящим русское духовенство» (как гласило заключение Св. Синода). В конце концов Св. Синод окончательно лишил его сана и передал «в распоряжение подлежащей светской власти»¹⁷.

Непростой была ситуация и в самом Правлении, члены которого не ладили друг с другом. Благочинный Вечтомов болезненно воспринял возвышение иеромонаха Германа и пытался настроить против него не только самого преосвященного, но и петербургское начальство. Пользуясь правом частной переписки с митрополитом Исидором в бытность своего надзора за епархией, он постоянно жаловался на фаворитизм еп. Нестора и интриги против себя со стороны других членов правления. Он советовал Нестору и Исидору отдалить Германа, «как человека, злоупотребляющего близостью своих отношений к Преосвященному». Со временем еп. Нестор разберется в своем окружении, но пока он уволил самого Вечтомова с должности благочинного. Тем не менее тот отдавал должное преосвященному, хотя весьма пронизательно видел и его слабые места: «Я глубоко уважаю Преосвященного Нестора за его святую жизнь, – писал он в том же письме Исидору, – но, по моему мнению, он слишком погружен в дело своего личного спасения, чтобы твердо и самостоятельно управлять такой епархией, какова наша»¹⁸.

Между тем весть о новом необычном русском архиерее дошла и до Белого дома. В апреле 1880 г. вл. Нестор получил личное письмо президента США Р. Хейса, в котором тот сослался на свои беседы с полковником Г. Отисом – специальным агентом американского правительства на Прибыловых островах, где располагались два православных прихода с русскими священниками. «По мнению г-на Отиса, – писал президент, – Вы посредством Ваших священников можете сделать много хорошего и необходимого для местного населения. Полковник Отис считает, что такие их пороки, как азартные игры и пьянство, могут быть излечены с помощью Вашей церкви. Немалую пользу могут принести ваши усилия и в образовании алеутов». Президент рекомендовал епископу войти в контакт с Отисом и действовать с ним сообща [9, I, с. 80]. Ответа епископа не сохранилось, но сам факт такого внимания со стороны Белого дома весьма характерен. Вскоре вл. Нестор сам смог подробнее ознакомиться с нравами туземцев во время своего объезда епархии, в который он отправился в начале апреля 1880 г. – первый день праздника Св. Пасхи.

На сей раз путь его лежал в отдаленные места – острова Унга, Санак, Уналашка, Кадьяк, Прибыловы острова, полуостров Нушагак. Епископ передвигался на пароходе и шлюпках, посетил все приходы и церкви, служил Божественную литургию и исправлял требы. В Унге,

¹⁶ Рапорт в Св. Синод от 15/27 марта 1882 г. о запрещенном диаконе Кашеварове; предложение от 16/28 апреля 1882 г. // Книга для записи бумаг по канцелярии Епископа Нестора с 1879 по 1882 г. // ARCA, Cont. B, Reels 39–40. Zass (Nestor) (Nikolay Pavlovich), Bishop 1878–1879, Office correspondence.

¹⁷ Указание Св. Правительствующего Синода Аляскинскому Духовному управлению, 9.2.1884 // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 279/1 (Генконсульство в Сан-Франциско). Оп. 1. Д. 297. 1884 г. Л. 81–82.

¹⁸ 30 октября 1879 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 205 (Секретные дела). Д. 467. Л. 6–17.

например, он причастил четырех больных женщин, «посетив их убогие жилища (бароборы), в которых теснота, духота и неопрятность суть неизменные условия их трудовой жизни. В каждой бароборе, – рассказывал он в своем отчете, – над единственным малым оконцем устроена полочка, уставленная различной величины иконами, перед которыми прилеплен небольшой огарочек восковой свечи, зажигаемой только по великим праздникам. Больные не говорили по-русски, и потому мне довелось выслушивать их исповедь на Алеутско-Лестьевском языке, который я впервые только слышал и не мог понять ни одного слова, а только, судя по их тяжелым вздыханиям и слезам, читал им разрешительные молитвы». Еп. Нестор посетил и Прибыловы острова – самые удаленные от материковой Аляски. Записи его отчета дают наглядное представление о типичном дне странствующего Архипастыря. «21 мая после четырех неудачных попыток по причине плавающего льда мы, наконец, подошли к о-ву Св. Павла и бросили якорь. Церковь на этом острове деревянная, выстроена по американскому способу, но в православном стиле и без особой колокольни. Освящена в 1877 году 8 мая. Утварью достаточна и содержится в должном порядке. 25 мая служил Божественную литургию с благодарственным молебном в воспоминание спасения драгоценной жизни Государя Императора во время пребывания Его в Париже на Всемирной выставке в 1867 году. За малым выходом на литургию наградил набедренником настоятеля церкви священника Павла Шаяшников. На этом острове считается 268 душ обою пола, и главный заработок их состоит в промысле на морских котиков, коих бьют в течение трех летних месяцев сто тысяч штук» [подчеркнуто в тексте. – Авт.]. Жаль сердобольному монаху этих беззащитных Божьих тварей, слепо доверившихся людям: «Эти морские животные <...> так покорны человеку, что число таких котиков, состоящее иногда из тысячи или более, повинуется двум человекам, один идет впереди, указывая путь, а другой сзади, чтобы котики двигались не враспынную, а в совокупности, и таким способом перегоняют их пять миль, а иногда и более, до того места, где их бьют дубиною по голове, потом тотчас же снимают кожу и кладут в соль, а мясо их употребляют в пищу...»¹⁹

Вл. Нестор рассказывает о подвижническом труде православных священников и миссионеров, которые на байдарках и собачьих упряжках добирались до самых отдаленных селений, неся слово Божие. Но не всегда миссионерам сопутствовал успех. В своем отчете епископ приводит пример из рапорта Квихпакского священника креола Захария Белькова, который отправился в миссионерскую поездку и пришел в селение Анхунагмют, окрестив накануне в соседнем селении 43 человека. В новом месте он «пробыл двое суток, проповедуя, и не смог приобрести ни единого, а еще встретил упорное сопротивление от человека лет 50-ти и вдобавок шамана, который выступил из толпы, приблизился к миссионеру и сказал: “Мы слушали тебя, а теперь ты нас послушай, если я окрещусь теперь, то за мною и все окрестятся. Увидим, будет ли какая перемена после крещения, тогда останемся, как ты говорил, а если нет, то опять будем жить, как прежде жили. Да и зачем нам креститься: когда тело наше будет грязно, мы можем выкупаться в воде и опять будем чистыми”. В селении Куйхаемют, где был убит туземцами-язычниками иеромонах Ювеналий (Говорухин), по упорству жителей миссионер не мог даже убедить их, чтобы они собрались для слушания проповеди, и потому он принужден был отправиться далее». «Религиозно-нравственное состояние паствы, – заключалось в отчете, – насколько я сам мог видеть при обозрении епархии, довольно удовлетворительно, хотя многое еще при помощи Божией нужно исправить и искоренить, но на это надо время»²⁰.

Действительно, состояние паствы оставляло желать лучшего, как следовало из получаемых епископом рапортов миссионеров. Иеромонах Никита, посланный архиереем в Кадьяк, буквально взмолился в письмах епископу, постоянно сталкиваясь с необычными для него ситуациями кровосмешения. Вот только несколько вопросов, которые он адресовал епископу в августе 1880 г. и ответов на них Преосвященного Нестора (в переводе с английского издания):

«1. Что делать с женщинами, которые оставили своих законных мужей, и с мужчинами, которые оставили своих законных жен и живут теперь с другими мужчинами и женщинами, хотя их бывшие супруги еще живы? Они не хотят оставлять своих сожителей, да еще имеют незаконных детей. Допускать ли их к причастию? (Тех, кто не хочет прекращать незаконного сожительства, нельзя допускать к причастию в течение семи лет, но при смерти они могут получить отпущение грехов).

¹⁹ Отчет о состоянии Алеутской Епархии за 1880 год // ARCA. Cont. D, Reels 474–475. Zass, Nestor (Bishop), 1879–1881.

²⁰ Там же.

2. Что делать с двоюродными братом и сестрой, которые живут как супруги, если у них есть дети? (Их следует наказывать за прелюбодеяние в течение 15 лет, но при искреннем раскаянии не допускать к причастию в течение 7 лет).

3. В одном селении есть два родных брата: один живет в законном браке, а второй незаконно взял родную сестру жены старшего брата и имеет с ней троих детей. Могу ли я благословить их брак? (Им запрещено жениться, и они не допускаются к причастию в течение 7 лет)» [9, I, pp. 92–93].

30 сентября/12 октября еп. Нестор вернулся в Сан-Франциско. Итогом его поездки помимо ежегодного отчета стало обращение в Св. Синод с предложениями по перестройке работы епархии. Архипастырь сосредоточился на двух проблемах – состоянии церкви и подготовке местных молодых кадров священнослужителей. Для комплексного решения первой проблемы он предложил заключить договор с Г. Ньюбаумом – директором Аляскинской торговой компании и вице-консулом Генерального консульства в Сан-Франциско, по которому тот за соответствующую плату брал бы на себя организацию и производство всех строительного-ремонтных работ по обновлению церковного фонда (привлекать к этому туземное население епископ считал бесполезным ввиду его профессиональной неподготовленности). Вторая проблема представлялась ему не менее важной. Во время обозрения епархии епископ на собственном опыте убедился в необходимости общения с прихожанами на их языке, поскольку лишь малая их доля была знакома с русским или английским. В ходе своих наблюдений он выделил четыре основных туземных диалекта и определил ареалы их распространения. В этом ему помог краеведческий Смитсоновский институт в Вашингтоне, который снабдил его словарями местных диалектов. Нестор вступил в переписку с главой отдела этнологии этого института Дж. Пауэллом, и при нем начался перевод священных текстов на туземные языки.

Епископ предложил создать церковную школу в Уналашке (занимавшей центральное положение между островами), в которую отобрать десять представителей всех основных племен для обучения русскому (а также немного английскому) и базовым церковным дисциплинам. По окончании они могли бы постепенно втягиваться в церковную службу в качестве певчих, псаломщиков, а затем и священнослужителей. К тому времени в епархии была одна школа такого типа – при Кафедральном соборе в Сан-Франциско, в которой обучалось несколько мальчиков из преимущественно славянских семей. Но вл. Нестор считал, что новая школа в Уналашке важнее и на нее можно взять часть средств Сан-Францисской школы. Всего по его подсчетам, новая школа обошлась бы в 900 рублей ежегодно [9, I, pp. 114–117]. Эта здравая идея будет одобрена Св. Синодом, но воплотится в жизнь уже после его гибели.

При жизни ему удалось реализовать другую свою идею – покупку нового Архиерейского дома в Сан-Франциско, в котором могли бы разместиться церковь, квартира епископа, школа и помещение для Духовного правления. Вл. Нестор подыскал подходящий вариант – просторный новый кирпичный дом в хорошем районе рядом с парком, центром города и железнодорожным вокзалом. Владелец просил за дом 50 тыс. долл., что для Сан-Франциско было сравнительно недорого. В Св. Синод было направлено специальное прошение с подробным изложением преимуществ такой сделки и плана использования нового помещения. Епископ подкрепил это обращение личным письмом обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву, в котором также подробно описал финансовую сторону дела [9, I, pp. 121–124]. Владелец между тем торопил с оплатой, и вл. Нестор послал срочную телеграмму обер-прокурору. Победоносцев ответил епископу также телеграммой на английском: «Покупка дома одобрена, но финансовые формальности требуют времени. Телеграфируйте, если владелец не может дольше ждать». Обер-прокурор торопил Св. Синод, и еще через несколько дней телеграфировал в Сан-Франциско: «Вся сумма может быть уплачена разом до истечения 60 дней, оплата частями ничего не дает. Стараюсь доказать это Синоду, Ваша озабоченность понятна и помогает делу» [9, II, pp. 13–15]. В конце концов сделка состоялась, и к лету 1881 г. еп. Нестор, Духовное правление и школа переехали в новое помещение, которое успешно функционировало до землетрясения и большого пожара в Сан-Франциско 1906 г. (здание самой церкви сгорело в мае 1889 г.).

По возвращении на кафедру владыку Нестора ожидали новые интриги в Правлении. На сей раз главным возмутителем спокойствия был диакон Иоанн Крыжановский – недоучившийся семинарист, оказавшийся в Америке в составе бродячей актерской труппы, который сумел войти в доверие предшественника Нестора епископа Иоанна, получить сан диакона и стать членом Правления. Нерадивый и не подготовленный к службе, склочный по нраву, он

грубил коллегам и прихожанам, а закончил угрозами и оскорблениями в адрес самого епископа. Нестор отстранил его от службы и поставил перед Св. Синодом вопрос об отзыве диакона в Россию [9, I, pp. 131–133]. Этот скандал, видимо, стал для ранимого архиерея последней каплей. В конце декабря он шлет в Св. Синод прошение об освобождении его от руководства епархией. «Я не могу обрести мира в душе из-за своей неспособности руководить доверенной мне паствой, которая, хотя не многочисленна, но совсем иная по своему национальному составу. Интригам среди кафедрального причта и прихожан нет конца, а остановить их у меня нет сил. Остается только скорбеть, лить слезы и взывать к Господу Всемогущему, чтобы он ведомым только Ему способом восстановил мир и согласие среди клира и прихожан во имя Святой Церкви... Ощущая свою духовную и физическую немощь, умоляю Вас, Богоизбранных Архипастырей, во имя Господа нашего Иисуса Христа разрешить мне удалиться на один из Алеутских островов, принять схиму и провести остаток дней в постоянной молитве о моих грехах» [9, I, p. 125]. В ответ последовала телеграмма Победоносцева: «Синод крайне сожалеет о Вашем намерении уйти в отставку. Прошу Вас передумать – помните, что благодать избылует в немощи» [9, II, 15]²¹. На сей раз епископ внял внушению обер-прокурора.

В епархии дела шли своим чередом, прерываемым чрезвычайными событиями. 2/14 марта преосвященный объявил Правлению: «По случаю удручающе скорбного события для всякого христианина, а в особенности православного русского, сегодня отменяется заседание правления. В два часа пополудни имеет быть панихида по мученически убиенном Императоре Александре II»²². Через три дня по согласованию с Генеральным консульством в Сан-Франциско был произведен молебен по случаю восшествия на Всероссийский престол Государя Императора Александра III с присутствием на нем иностранных консулов, аккредитованных в Сан-Франциско. В апреле все духовенство кафедрального собора принесло присягу на верность новому императору и его наследнику цесаревичу Николаю Александровичу.

Вместо опального диакона Крыжановского еп. Нестор назначил певчего Ивана Соболева, посвятив его в диаконский сан. Незадолго до посвящения Соболев запросил благословения на брак, которое было получено. «На первоначальное обзаведение хозяйством» Правление по указанию епископа выдало Соболеву 200 долл. (из них 150 – безвозмездно), а на свадьбу – еще и пособие. Иеромонаха Германа (произведенного к тому времени в архимандриты) пришлось отправить в Россию: официально – по болезни, а в действительности – во избежание новых осложнений в Правлении и (вероятно) по совету митрополита Исидора, информированного Вечтомовым. Нестор лишился самого близкого себе человека²³. На место Германа прибыл незнакомый епископу священник Александр Дилигенский, который на поверку оказался негодным. Столкнувшись с условиями жизни в епархии, он тут же обвинил епископа и Правление в том, что они скрывали реальные трудности работы в Америке, когда давали объявления в «Церковном вестнике» о вакансиях. «Если бы я знал хотя бы часть того, что знаю теперь, – писал он владыке Нестору, – я бы никогда не уехал со своей семьей за столько тысяч верст, покинув место, где был полезным и уважаемым своим приходом». Дилигенский просил освободить его от службы на островах, куда прочил его епископ, и архиерею пришлось пойти ему навстречу [9, II, pp. 34–37]. Св. Синод между тем указывал усилить контроль церковного начальства над духовенством. 5 апреля вышел его Указ «О поднятии уровня нравственности духовенства и о наблюдении за поведением оногo». Главное решение виделось в том, чтобы епископы «усугубили бдительность надзора над поведением и нравственным состоянием вверенного им духовенства» [8, с. 172]. Указ, как водится, был доведен до всех причтов Российской империи, включая Алеутскую епархию.

В марте обер-прокурор К. П. Победоносцев обратился к еп. Нестору с просьбой сообщить, ведется ли какая-то работа в епархии по охране здоровья местного населения в связи с тем, что в российской прессе появились материалы о таковой деятельности священнослужителей в сельской России [9, II, с. 39–40]. Действительно, работа русских священнослужителей

²¹ Победоносцев, вероятно, имел в виду соответствующее место из Нового Завета (Кор. 12, 9).

²² В Духовное Правление, 2/14 марта 1881 г. / Книга для записи бумаг по канцелярии Епископа Нестора с 1879 по 1882 г. // ARCA, Cont. B, Reels 39–40. Zass (Nestor) (Nikolay Pavlovich), Bishop 1878–1879, Office correspondence.

²³ Любопытно, что вскоре после гибели Нестора архимандрит Герман будет рассматриваться в церковных кругах как один из кандидатов на пост главы Алеутской епархии в качестве человека, «бывшего некогда в Сан-Франциско с покойным Преосвященным Нестором» (РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 129. Л. 49–53).

на Аляске не ограничивалась исполнением своих прямых обязанностей. В борьбе со знахарством шаманов и плохими привычками они прививали туземцам элементарные знания о правилах гигиены. Вот, например, выдержки из памятки на местном языке, которая распространялась среди алеутов на Уналашке. «По утрам, когда дети еще спят, подметите полы, умойтесь сами и помойте, как следует, посуду. Перед едой дети должны умыться, причесаться, прополоскать рот и подстричь ногти. Посуду и приборы следует мыть после каждой еды, а не держать их грязными по несколько дней. Нельзя позволять себе и детям спать в дневной одежде или носить одну и ту же рубашку по 2–3 месяца». Давались и простые домашние рецепты на все случаи: «От ожога – натрите пораженное место смесью сульфита, оливкового масла и картофельной муки; от болей в желудке – сделайте клизму с теплой водой и добавлением мыла или масла; от ревматизма – на ночь натрите больное место керосином» [9, II, pp. 81–84].

Тем временем вл. Нестор снова отправился на очередное обозрение епархии. С июня по август он посетил Кадьяк, Кенай и село Александровское. «В Кадьяке 10/22 июля рукоположил диакона Николая Рысева во священника к Кадьяко-Воскресенской церкви, – записал еп. Нестор в своем отчете. – В Кенае осматривал церковь и помещения для священника и причетника. Церковь очень ветхая, так что будущую весною необходимо приступить к постановке новой церкви. Дом для священника миссионера выстроен новый, а для причетника около половины лета 1882 года надеюсь купить дом по сходной цене у агента Аляскинской торговой компании. В селении Александровском осматривал часовню, которая оказалась тесна и мала, и жители этого селения испрашивали благословения перенести оную на другое, более удобное место на свои собственные средства, на что я дал согласие»²⁴. Архиерей в своем отчете подробно рассказывал о подвижнической деятельности миссионеров иеромонаха Никиты, священников Шишкина и Белькова, которые в ходе своих поездок окрестили несколько сот душ обоего пола. Однако ввиду свирепствовавшей на Аляске эпидемии гриппа православное население епархии сократилось с 11 932 до 11 898 человек.

Миссионерам, бывавшим в глубинке Аляски наездами раз в год, непросто было бороться с влиянием шаманов, которые жили в этих селениях постоянно. Тем не менее в заключение отчета епископ писал: «Религиозно-нравственное состояние на о-ве Кадьяк и в Кенае, по отзывам местных священников, заметно улучшается. Пьянство между островитянами тоже начинает ослабевать, чему немало способствует и Правительство Соединенных Штатов, которое посылает разновременно таможенный пароход. Командиру парохода даны полномочия и инструкции, как поступать с теми, которые занимаются добыванием спирта и торгуют оным к вреду для общего здоровья и спокойствия. Любопытствие между островитянами, хотя и уменьшается при частых напоминаниях священников, но еще много предстоит труда к искоренению оно»²⁵.

Во время поездки повседневные заботы и впечатления отвлекали пастыря от тяжелых мыслей. Но по возвращении в Сан-Франциско еп. Нестор снова послал в Св. Синод прошение об отставке. На сей раз он просил вернуть его в Россию с тем, чтобы принять схиму и отправиться простым монахом на Валаам [9, II, p. 60]. Через пару недель он обращается с тем же прошением лично к К. П. Победоносцеву, сетуя на слабость характера, не позволяющую ему управлять епархией твердой рукой. И опять Св. Синод отказал ему в этой просьбе.

Владыка Нестор между тем продолжал заботиться о своих подопечных, проявляя редкое к ним участие. В январе он отпустил на трехмесячное лечение певчего А. Воскресенского из Сан-Франциско с сохранением жалованья. «Я нашел себя вынужденным сделать такое распоряжение не только по личному своему сочувствию к этому бедному молодому человеку, заброшенному на чужбине, – объяснял он Св. Синоду, – но и ввиду того, что безучастное мое отношение к нему может вызвать в местном обществе массу нареканий и злословий не только не меня лично, но и на Православие, представителем которого я имею честь состоять здесь»²⁶.

Львиная доля времени епископа уходила на постоянную отчетность перед Св. Синодом, особенно обременительную в финансовых вопросах. Даже учет, казалось бы, простой стати-

²⁴ Отчет о состоянии Алеутской епархии за 1881 год // ARCA, Cont. D, Reels 474–475, Zass (Nestor) Bishop, 1879–1881.

²⁵ Там же.

²⁶ В Святейший Правительствующий Синод, 13/25 января 1882 г. // Книга для записи бумаг по канцелярии Епископа Нестора с 1879 по 1882 г. // ARCA, Cont. B, Reels 39–40. Zass (Nestor) (Nikolay Pavlovich), Bishop 1878–1879, Office correspondence.

стики о приходских пожертвованиях и их расходовании в условиях Аляски оборачивался серьезными проблемами. Епископу приходилось разъяснять петербургскому начальству особенности сбора этих средств и распоряжения ими. Разъяснения эти заслуживают подробного изложения, поскольку в них видна вся скрытая от внешнего глаза механика ведения церковного хозяйства. «В большинстве приходов церковные суммы образуются главным образом путем пожертвования шкур и мехов, – писал он в Св. Синод в феврале 1882 г. – Обыкновенно это делается таким образом. Жители известной местности, желая отправиться на промысел, образуют из себя артель. Артель получает от какой-либо торговой компании (в большинстве случаев – от Аляскинской) байдарки, пищевые материалы и орудия. При этом, по взаимному соглашению с обеих сторон, устанавливается поштучная цена за предполагающую добычу. По возвращении с промысла, когда добытый годный материал обязательно сдается компании по договорной цене, со стороны промышленников делается заявление – сколько шкур и какого достоинства они жертвуют на приходскую церковь. Компания, сообразно этому заявлению, уведомляет тогда причт о количестве пожертвований, переводя их на звонкую монету. Причты в свою очередь уполномочивают правление поступившие таким образом на церковь суммы получить в Сан-Франциско с компании. Затем Правление или расходует полученную сумму сообразно заявленному причту назначению, или вносит в банк на приращение процентами на книжку этой церкви. Все банковские книжки церквей, во избежание всяких недоразумений, записаны в банке на мое имя как Trustee (попечителя). Порядок этот не установился еще прочно. Некоторые причты заметно питают недоверие к нему. Поводом послужило то, что в прошлом некоторые причты вносили в Правление суммы, а теперь недоумевают, где находятся эти капиталы... Другая особенность, замечаящаяся при ведении церковного хозяйства – та, что в некоторых церквях церковных старост нет, в других же, если и есть, то старосты эти по безграмотности и образу жизни, требующему постоянных и продолжительных их отлучек от определенного места жительства, или числятся только номинально, или требуют вознаграждения за свои обязанности, как например, в Ситке». В качестве другого примера преосвященный ссылался на приход в Сан-Франциско, где за многие месяцы сумма пожертвований составила «два с половиною доллара!»²⁷

Состояние городской паствы было для вл. Нестора гораздо более удручающим, чем ситуация с верой среди туземцев Аляски. Объясняя Св. Синоду трудность подсчета православных прихожан в Сан-Франциско, епископ писал: «За удовлетворением религиозных нужд большинство их не обращается к нам, в церковь обыкновенно не ходят, исключения делают для первого дня Св. Пасхи и Рождества Христова. Очень часто случается, что мы узнаем о существовании того или иного православного уже под конец его жизни, когда является к церкви 20–30 карет для похоронной процессии. Но и этот последний момент земного существования иногда обходится без участия священника. Приписется православный к какому-нибудь обществу взаимной помощи, вносит в это общество по доллару или по два в месяц и по смерти его тело приносится в залу этого общества, его погребают с молитвами по чину этого общества, члены устраивают более или менее роскошную погребальную процессию, а в заключение всего осиротевшая семья получает значительное пособие 200–1000 долларов, смотря по делавшемуся им взносу. Православному священнику при таких похоронах в сущности делать уже нечего, хотя и случается, что какой-нибудь ревнитель и призовет его к умершему с просьбой “отпеть поскорее, пока не собрались члены общества”».

«Где кроется причина этого скорбного явления? – задавался вопросом Архиерей. – Не плод ли оно пастырской небрежности, несоответствия лиц, проходящих пастырское служение, назначению пастыря? Положа руку на сердце, могу сказать, что нет. В начале моего прибытия в Сан-Франциско собиралось в нашу церковь на Литургию (за Всенощным бдением почти никогда никого из прихожан не бывало и не бывает) человек 15–20. Тогда мне говорили, что нужно приобрести собственную приличную церковь и православные будут посещать ее. И вот приобретена с Божией помощью и соизволением Вашего Святейшества таковая церковь. И что же? Посещает ее отнюдь не большее число. И так было здесь всегда. Очевидцы рассказывают мне, что при моем предместнике, Преосвященном Иоанне, один или двое молящихся в церкви прихожан было явление заурадное. Причина этого, по моему мнению,

²⁷ Благопокорн. рапорт в Св. Прав. Синод, 16/28 февраля 1882 г. / Книга для записи бумаг по канцелярии Епископа Нестора с 1879 по 1882 г. // ARCA, Cont. B, Reels 39–40. Zass (Nestor) (Nikolay Pavlovich), Bishop 1878–1879, Office correspondence.

скрывается в самих прихожанах. Кто они такие? Большинство их по тем или другим причинам было вынуждено оставить свою родину, издавна порвало семейные связи, привыкло в погоне за насущным пропитанием обходиться без религии. Постоянные столкновения в Новом Свете с такими же бездомными скитальцами, живущими вне какой-либо религиозной общины даже номинально, закрепляет массу наших православных в убеждении: «Религия – дело попов и лицемеров»²⁸. Эти горькие слова как нельзя лучше описывают и состояние самого Нестора, тяжело переживавшего тщетность своих усилий.

В январе он снова запросился в отставку, ссылаясь на то, что не смог вовремя предотвратить ошибку священника А. Дилигенского, не обеспечившего храм просфорами и пытавшегося свалить вину за это на прот. В. Вечтомова [9, II, р. 93]. Предлог был мелочный, но архиерей, видимо, цеплялся за малейший повод, чтобы оговорить себя и доказать свою неспособность управлять епархией. Перед самым отъездом в очередную поездку по епархии он телеграфировал Победоносцеву: «Сознательно объявляю о своем намерении; последствия же зависят от воли Божией и согласия Св. Синода. Избавьте меня скорее от священника Дилигенского!» [9, II, р. 124]. Согласия Св. Синода опять не последовало. В его ответе на прошение Нестора говорилось: «...С любовью благословляя Ваше Преосвященство на продолжение подъятых Вами трудов по возложенному на Вас служению, определяет: присланное 5 января сего года прошение Вашего Преосвященства об увольнении Вас от управления Алеутской епархией оставить без последствий»²⁹. Дабы смягчить свой отказ, Св. Синод решил срочно отозвать священника Дилигенского. Кроме того, было дано полное согласие на предложение епископа об учреждении школы для подготовки кадров местных священнослужителей на Уналашке с выделением запрошенных им средств.

Оба эти сообщения вл. Нестор получил уже после того, как с тяжелым сердцем отправился на очередную инспекцию епархии. Накануне, после трудного объяснения с Дилигенским, он, по свидетельству прот. Вечтомова, «провел целую ночь в молитве и слезах»³⁰. Путь его лежал через Кадьяк и Уналашку на Прибыловы острова, Квихпак и Михайловский редут – расположение Квихпакской миссии, где архиерей еще не бывал. В то время на всей Аляске свирепствовала эпидемия гриппа, уносившая жизни тысяч людей. Православные священники, как сообщали епископу миссионеры, едва успевали отпевать усопших прихожан, некоторые из них и сами заражались. Нестор объезжал храмы и приходы, вел службы и проповедовал. С острова Св. Павла, где он из-за непогоды задержался на 23 дня, епископ писал оставшемуся на хозяйстве прот. В. Вечтомову, с которым сблизился в последнее время: «Многое хотелось бы передать Вам, но в настоящее время полагаю неудобным излагать мои мысли на бумаге, а если Господь, по великому милосердию своему ко мне недостойному соизволит, чтобы я возвратился обратно в Сан-Франциско, тогда обо всем переговорю с Вами»³¹. О. Владимир Вечтомов, со своей стороны, подробно информировал вл. Нестора о срочных делах по епархии, в том числе о новых интригах свящ. Дилигенского, который тянул с возвращением в Россию под предлогом беременности жены. Уволенный священник (еще недавно сожалевший, что приехал в Америку) писал Победоносцеву доносы на епископа и о. В. Вечтомова, организовывал петиции прихожан в свою поддержку. В конечном итоге, после вмешательства консульства и Императорской миссии в Вашингтоне, а также личного решения обер-прокурора о выплате ему прогонных, Дилигенского удалось-таки отправить в Россию.

14/26 июня о. В. Вечтомов получил от вл. Нестора письмо из Михайловского редута со следующим известием: «...Мне внезапно пришла мысль, чтобы остаться в миссии на зиму, присмотреться к образу жизни туземцев, их верованию и промыслам. Испытать все лишения в угрюмой стране севера, удаленной от мира, а также, если возможно, то найти между дикарями человека хорошей жизни и способного на почетническую должность, который впоследствии, приобучившись, мог бы занять место от Захария Белькова в случае (Боже сохрани) его смерти». «Буде святая воля Господня, – добавлял епископ, – если мне суждено умереть в этом или будущем году, то умер бы точно так же и в Сан-Франциско, а если Богу угодно будет

²⁸ Рапорт в Св. Синод, 27 февраля/11 марта 1882 г. // Там же.

²⁹ Преосвященному Нестору, епископу Алеутскому и Аляскинскому, 10 апреля 1882 г. // ARCA, Cont. B, Reels 39–40, Zass, Nestor (Nikolay Pavlovich), Bishop, Correspondence 1881–82.

³⁰ 4/16 августа 1882 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 205 (Секретные дела). Д. 467. Л. 25.

³¹ 18/30 мая 1882 г. // ARCA, Cont. B, Reels 39–40, Zass, Nestor (Nikolay Pavlovich), Bishop, Correspondence 1881–82.

продлить ее, то вернусь обратно в августе месяце 1883 года». Владыка планировал затем отправиться на баркасе вместе с о. З. Бельковым вверх по реке до миссии. «Трудное и нелегкое выбрал я для себя дело, но все-таки желательно испытать то, что терпят другие», – заключал он³². Епископ просил довести это его намерение до Правления и Св. Синода.

О. В. Вечтомов отвечал, что это решение стало для него неожиданным, и действительно, идея остаться на зимовку в далекой и плохо обустроенной миссии была крайне необычной для главы епархии, которой к тому же на год с лишним предстояло оставаться без прямого руководства. Отговаривал вл. Нестора от этой идеи и капитан судна Аляскинской торговой компании «Св. Павел» М. Эрскин, который в те дни сделал остановку в Михайловском редуте. Но епископ отвечал, что «он родился и вырос в таком климате и что он к нему привык»³³. Однако уже 4 июля он неожиданно объявил о. З. Белькову, что решил вернуться в Сан-Франциско, поскольку болен и чувствует приближение смерти. На прощание архиереем отслужил Божественную литургию и наградил отца Захария набодренником, а причетника Ивана Орлова посвятил в стихарь. Прямо из церкви, «дав нам в последний раз свое Архипастырское благословение» (как писали в своем отчете свящ. З. Бельков и И. Орлов),³⁴ он отправился на борт «Св. Павла», который 12 июля должен был отплыть на Уналашку по дороге в Сан-Франциско.

На пароходе многие знали епископа по его предыдущим поездкам и сразу заметили некоторые странности в его поведении. Штурману У. Эрскину он пожаловался на то, что «на берегу его приняли больше как врага, нежели, чем друга, и это причинило ему немалое душевное беспокойство». Епископ выглядел утомленным и встревоженным, избегал людей и запирался в своей каюте. Временами даже казалось, что он не совсем в своем уме. «Образ его жизни был настолько регулярный и правильный, что отступления от его ежедневных привычек стали предметом толков», – рассказывал потом в своих показаниях капитан Эрскин³⁵. Однако все сочли эти странности следствием болезненного состояния преосвященного и не придали им особого значения. Рано утром 12 июля пароход вышел в открытое море. Было ясное и тихое утро, на море – полный штиль. Врач Л. Нойерс, занимавший соседнюю каюту, встретил Нестора на палубе около 7 утра и спросил о самочувствии; архиереем отвечал, что сегодня ему лучше. Немного позже врач решил снова навестить его, но не нашел епископа в каюте. Не оказалось его и на палубе, где он обычно прогуливался. Встревоженный Нойерс обратился к команде, и Нестора стали искать по всему пароходу. Все было тщетно – архиереем как сквозь землю провалился. Наконец кто-то заметил следы на свежеевыкрашенных перилах у кормы, а также – за ними, на самом краю кормы. Стало понятно, что Нестор, скорее всего, перебрался через перила и бросился вниз. Всплеск воды от упавшего тела мог быть заглушен работой винта, так что на пароходе его никто не услышал. Генеральный консул О. Э. Оларовский, который по долгу службы провел расследование происшедшего и снял показания свидетелей (капитана, штурмана, врача и прислуги), в своем донесении в Св. Синод заключил: «Не говоря уже об этих мелких симптомах, на которые указывают свидетели в своих показаниях как на доказательства ненормальности умственного состояния Епископа, достаточно знать личность покойного Нестора и его твердые религиозные убеждения, чтобы, не задумываясь прийти к заключению, что, конечно, Епископ не мог решиться на совершение самоубийства, и несчастье произошло с ним под влиянием острого момента такового помешательства или же под влиянием такого аффекта, где он действовал совершенно бессознательно»³⁶. Перед Св. Синодом консул, очевидно, хотел снять с покойного епископа подозрение в грехе самоубийства, но у свидетелей сложилось несколько иное впечатление. Капитан Эрскин увидел доказательство сознательного решения епископа лишить себя жизни еще и в том, что при осмотре его каюты обнаружилось: «он оставил молитвенник, часы и другие вещи, которые постоянно носил при себе, и на видном месте сложил их в верхней койке с видимой целью обратить внимание»³⁷. Вечтомов считал, что измученный страданиями преосвященный решил-

³² 14/26 июня 1882 г. // Там же.

³³ Дело о кончине Преосвященного Нестора, епископа Алеутского и Аляскинского (далее – Дело) // ARCA, Cont. B, Reels 39–40, Zass, Nestor (Nikolay Pavlovich), Bishop. Investigation (suicide), July 12, 1882.

³⁴ Аляскинскому Духовному Правлению, 17/29 августа 1882 г. // Там же.

³⁵ Дело. Л. 36.

³⁶ Копия с отношения Российского Императорского Генерального Консула от 18/30 августа на имя Г. Обер-прокурора Св. Синода // Дело. Л. 13.

³⁷ Дело. Л. 38.

ся по примеру древних подвижников «удалиться от мира»³⁸. Однако и это действие, конечно, могло быть совершено в состоянии аффекта. Подлинная причина, подтолкнувшая вл. Нестора на этот роковой шаг, остается неизвестной, но очевидно, что его духовный кризис накапливался постепенно и в какой-то момент хрупкая натура просто не вынесла этого бремени.

Капитан развернул судно, которое тем же курсом вернулось в Михайловский редут в поисках утопленника. Все оказалось тщетно; тело епископа местные жители обнаружат лишь через месяц, и оно будет предано земле возле храма Вознесения Господня на Уналашке, как и завещал сам Нестор. «Жаль нам его, добр был для нас!» – писал в Правление священник Иннокентий Шаяшников, который должен был встречать епископа в Уналашке³⁹. Калифорнийские газеты отмечали, что покойный Архиерей «отличался в высшей степени религиозным образом жизни», «был любим всеми, кто его знал», «пользовался большим уважением и раздавал большую часть своего жалованья бедным»⁴⁰. Замену ему нашли нескоро. После кончины Нестора Алеутская епархия вдовствовала в течение пяти лет, будучи управляема из Санкт-Петербурга его наставником митрополитом Исидором.

Еп. Нестор был вторым архиереем, возглавлявшим американскую епархию Русской православной церкви после продажи Аляски США в 1867 г. Благодаря трудолюбию и дисциплине (склонность к которой вл. Нестор унаследовал от немецких предков), верности архипастырскому долгу и христианской любви и заботе еп. Нестора о своих подчиненных, епархия начала выходить из глубокого кризиса, последовавшего за продажей Аляски Соединенным Штатам. Трагический конец его жизни напоминает о тяжелом бремени священнического служения вообще и епископского служения в частности, особенно служения в весьма «проблемной» епархии, в инославном и иноязычном окружении и при очень ограниченных людских и материальных ресурсах.

Труды епископа Нестора не пропали даром. Его преемники – епископы Николай (Зиоров) и Тихон (Беллавин) – продолжают святую миссию православия в Америке, и в начале XX в. епархия достигнет такого расцвета, что, согласно описи религиозных организаций 1916 г., «Восточное Православие» будет признано самой быстрорастущей христианской конфессией в США [10, p. 18].

Список литературы

1. Александров Е. А. Нестор, епископ Алеутский и Аляскинский // Русский американец. Обзорный выпуск. Nuack; N. Y., 2000. № 22. С. 83–93.
2. Григорьев Д., прот. От древнего Валаама до Нового Света. Русская Православная Миссия в Северной Америке. М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2007. 212 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/ot-drevnego-valaama-do-novogo-sveta-russkaja-pravoslavnaia-missija-v-severnoj-amerike/ (дата обращения: 15.04.2022).
3. Климент (Капалин), митр. Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. 608 с.
4. Печатнов В. О., Печатнов В. В. «Главный русский храм в Америке». Из истории кафедрального Свято-Николаевского собора в Нью-Йорке // История: электронный научно-образовательный журнал. 2021. № 10.
5. Трубецкой С. Жизнь и деяния епископа Алеутского Нестора // Ежегодник Православной Церкви в Америке. 1977. Кн. 5. С. 86–90.
6. Нестор, епископ Алеутский и Аляскинский. Биографический словарь миссионеров Русской Православной Церкви / сост. священник Сергей Широков. М. : Белый Город, 2004.
7. Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода. 1867–1900 гг. Собрал А. Завьялов. Изд. 2-е. СПб., 1901. 444 с.
8. Orthodox America 1794–1976. Development of the Orthodox Church in America / C. J. Tarasar, Gen. Ed. Syosett. N. Y., 1975. 351 p.
9. The Right Reverend Nestor, Bishop of Aleutians and Alaska 1879–1882. Correspondence, reports, diary / Transl. and ed. by G. Soldatow. Parts 1–3. Minneapolis, Minnesota : AARDM Press, 1993.
10. Stokoe M., Kishkovsky L. Orthodox Christians in North America 1794–1994. N. Y. : Orthodox Christian Publication Center, 1995. 65 p.

³⁸ 4/16 августа 1882 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 205 (Секретные дела). Д. 467. Л. 25.

³⁹ Дело. Л. 4.

⁴⁰ Sacramento Daily Record – Union, August 15, 1882.

The American Epic of Bishop Nestor (Zassa)

V. V. Pechatnov¹, V. O. Pechatnov²

¹PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy n. a. A. F. Shishkin, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-9340-9363. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

²Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of History and Politics of Europe and America, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-6733-031x. E-mail: vopechatnov@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the life and work of Bishop Nestor (Zassa) during his leadership of the Aleutian and Alaska diocese (1878–1882). It is written on the basis of documents from the archive of the Russian Orthodox Church in Alaska and represents the first attempt in Russian and foreign historiography to analyze the role and place of His Grace Nestor in the formation and development of the Russian spiritual Mission in the USA. It also gives a portrait of this unusual and tragic figure; it shows how his fragile and exalted nature could not withstand a collision with the reality of church administration in the difficult conditions of internal intrigues and alien environment. Through the prism of the personality of the pastor, the picture of the daily life of the Russian Orthodox clergy in America in the 1870s–1880s is given. The article also gives a concrete idea of how the mechanism of diocesan administration and interaction of church and secular authorities worked in the Russian Empire.

Keywords: Bishop Nestor (Zassa), the Aleutian and Alaska Diocese, the Russian Orthodox Church, the Most Holy Governing Synod.

References

1. Aleksandrov E. A. *Nestor, episkop Aleutskij i Alyaskinskij* [Nestor, Bishop of Aleut and Alaska] // *Russkij amerikanec. Obzornyj vypusk* – Russian American. Review issue. Nyack; N. Y. 2000. No. 22. Pp. 83–93.
2. Grigor'ev D., prot. *Ot drevnego Valaama do Novogo Sveta. Russkaya Pravoslavnaya Missiya v Severnoj Amerike* [From ancient Balaam to the New World. The Russian Orthodox Mission in North America]. M. Publishing House of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities, 2007. 212 p. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/ot-drevnego-valaama-do-novogo-sveta-russkaja-pravoslavnaja-missija-v-severnoj-amerike/ (date accessed: 15.04.2022).
3. Kliment (Kapalin), mitr. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' na Alyaske do 1917 goda* [The Russian Orthodox Church in Alaska before 1917]. M. OLMA Media Group. 2009. 608 p.
4. Pechatnov V. O., Pechatnov V. V. "Glavnyj russkij hram v Amerike". *Iz istorii kafedral'nogo Svyato-Nikolaevskogo sobora v N'yu-Jorke* ["The main Russian church in America". From the history of the Cathedral of St. Nicholas Cathedral in New York] // *Istoriya: elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal* – History: electronic scientific and educational journal. 2021. No. 10.
5. Trubeckoj S. *Zhizn' i deyaniya episkopa Aleutskogo Nestora* [The life and deeds of Bishop Nestor of Aleut] // *Ezhegodnik Pravoslavnoj Cerkvi v Amerike* – Yearbook of the Orthodox Church in America. 1977. Book 5. Pp. 86–90.
6. *Nestor, episkop Aleutskij i Alyaskinskij. Biograficheskij slovar' missionerov Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi* – Nestor, Bishop of Aleut and Alaska. Biographical Dictionary of Missionaries of the Russian Orthodox Church / comp. Priest Sergiy Shirokov. M. Bely Gorod (White City). 2004.
7. *Cirkulyarnye ukazy Svyatejshego Pravitel'stvuyushchego Sinoda. 1867–1900 gg.* – Circular decrees of the Holy Governing Synod. 1867–1900. Collected by A. Zavyalov. Ed. 2nd. SPb. 1901. 444 p.
8. *Orthodox America 1794–1976. Development of the Orthodox Church in America* / C. J. Tarasar, Gen. Ed. Syosett. N. Y., 1975. 351 p.
9. The Right Reverend Nestor, Bishop of Aleutians and Alaska 1879–1882. Correspondence, reports, diary / transl. and ed. by G. Soldatow. Parts 1–3. Minneapolis, Minnesota : AARDM Press, 1993.
10. *Stokoe M., Kishkovsky L. Orthodox Christians in North America 1794–1994*. N. Y. : Orthodox Christian Publication Center, 1995. 65 p.